

Анна Димьяненко

«ПЕРВЫЙ ТРУД НЕОПЫТНОЙ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ»: Е. П. ПРИВАЛОВА О КНИГЕ М. ГЛАДКОВОЙ

Статья представляет собой предупреждение к материалам из Рукописного отдела ИРЛИ (Пушкинский дом) РАН, машинописи статьи «О первом труде неопытной писательницы», найденной в личном архиве Е. П. Приваловой и ранее не публиковавшейся. Год написания текста — 1975 установлен предположительно, исходя из даты на папке, в которой хранятся другие работы автора. В статье представлена краткая справочная информация об авторе статьи — исследовательнице истории русской детской литературы Е. П. Приваловой, дан обзор содержания папки с черновиками статей об А. Л. Шлёцере и И. А. Тейльсе, опубликованных в разные годы в сборниках «XVIII век». Статья Е. П. Приваловой посвящена анализу повести писательницы М. Гладковой «15-ти дневное путешествие, 15-ти летнею писанное, в угождение родителю и посвящаемое 15-ти летнему другу. 1810-го года августа месяца» (Санкт-Петербург, 1810) и атрибуции авторства. В предупреждении проанализированы основные тезисы статьи Е. П. Приваловой — предполагаемое авторство М. Гладковой и литературные связи ее текста с такими произведениями, как «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина и «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева.

Ключевые слова: Е. П. Привалова, детская литература XIX в., литература путешествий, Н. М. Карамзин, А. Н. Радищев, М. Гладкова

В этом номере впервые публикуется машинописный очерк Е. П. Приваловой «О первом труде неопытной писательницы», в котором анализируется произведение первой русской детской

Анна Андреевна Димьяненко

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
Санкт-Петербург
ann.dimyanenko@gmail.com

DOI: 10.31860/2304-5817-2021-2-20-230-257

писательницы XIX в. М. Гладковой — «15-ти дневное путешествие, 15-ти летнею писанное, в угождение родителю и посвящаемое 15-ти летнему другу. 1810-го года августа месяца» (Санкт-Петербург, 1810). Машинопись статьи была найдена в Рукописном отделе Пушкинского дома¹ при разборе архивного наследия Е. П. Приваловой в папке с машинописными статьями об А. Л. Шлёцере и И. А. Тейльсе, которые были опубликованные в разные годы в сборниках «XVIII век» Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН. Вероятно, статья готовилась Е. П. Приваловой к публикации, однако какие-либо свидетельства о её выходе или частичном издании материалов о героине статьи — М. Гладковой не были найдены. Отсутствие обобщающих выводов о судьбе авторства произведения «15-ти дневное путешествие, 15-ти летнею писанное...» и некоторая обрывочность заключительных тезисов наводят на мысль о незавершенности работы над статьей.

Екатерина Петровна Привалова (1891–1977) — исследователь, литературный критик, знаток детской литературы и журналистики, а также первый руководитель кафедры детской литературы и библиотечной работы с детьми Ленинградского государственного библиотечного института, которую она возглавляла с 1946 г. по 1954 г. Е. П. Привалова — автор множества научных публикаций и критико-библиографических пособий, посвященных истории детской литературы, детского чтения, а также работе детских библиотек. Научно-исследовательскую и учебную деятельность она начинала в Ленинградском педагогическом институте внешкольного образования под руководством известного учёного-фольклориста, литературоведа и библиографа, профессора О. И. Капицы, которая стала не только наставницей, но и старшим другом Екатерины Петровны. С 1920 г. преподавала и руководила научным кружком по детской литературе в педагогическом институте. Изучение детского чтения в России, истории детской книги, а также истории критики детской литературы и библиографии заняли определяющее место не только в преподавательской деятельности, но и в исследовательской работе Приваловой. В 1925 г. она входит в секцию детских писателей, становится членом редколлегии Государственного издательства детской литературы в Ленинграде, с 1923 г. регулярно публикует научные и методические работы в различных периодических изданиях, участвует в составлении библиографических указателей и методических пособий по детской литературе². Совместно с сотрудником московского Института детского чтения И. И. Халтуриным Привалова подготовила

рекомендательный указатель «Что мне читать?» (1928), оказавший влияние на дальнейшее развитие рекомендательной библиографии для детей³.

В годы Великой Отечественной войны Привалова оставалась в блокадном Ленинграде, работала главным библиографом в государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и в 1942 г. успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему: «„Детское чтение для сердца и разума Н. И. Новикова“ — первый русский журнал для детей».

Многие годы Екатерину Петровну связывали дружеские и творческие отношения с известными учеными (семья О. И. Капицы, ее сын — знаменитый физик, академик П. Л. Капица, ее племянник Л. Л. Капица — архитектор и историк, профессора Л. Б. Оршанский, П. Н. Берков, В. А. Мануйлов, К. Д. Муратова), коллегами по работе в Институте дошкольного образования, детскими писателями (С. Я. Маршак, В. В. Бианки, Б. С. Житков, Л. Пантелеев, М. Ильин и другие), педагогами, библиотекарями.

Статья «О первом труде неопытной писательницы» [1975], представляет собой исследование, ставящее своей целью уточнить авторство книги «15-ти дневное путешествие, 15-ти летнему писанное, в угождение родителю и посвящаемое 15-ти летнему другу. 1810-го года августа месяца» (СПб., 1810), вышедшей под именем М. Гладковой. Привалова стремится установить литературные переключки текста Гладковой с «Письмами русского путешественника» Н. М. Карамзина (1791–1792) и «Путешествия из Петербурга в Москву» (1790) А. Н. Радищева, проследить на их основании литературные связи автора и идентифицировать его фигуру.

Имя писательницы М. Гладковой не упоминается в учебных курсах по истории детской литературы: как в одном из первых советских учебников «История русской детской литературы» А. П. Бабушкиной (1948), так и в современной «Детской литературе» И. Н. Арзамасцевой и С. А. Николаевой (1997). В монографии М. С. Костюхиной «Золотое зеркало. Русская литература для детей XVIII–XIX вв.» (2008) о книге Гладковой сказано лишь то, что она относится к жанру сентиментального путешествия и что герой такого путешествия, от имени которого ведется рассказ, должен иметь «душу развитую и утонченную» [Костюхина 2008, 35]. В качестве детской книги повесть М. Гладковой включена в библиографический указатель О. В. Алексеевой «Библиография русской детской книги» (1717–1854), составленный библиографами из Института детского чтения в Москве [Алексеева 1929, 105]. Упоминается

«Пятнадцатидневное путешествие» в исследовании Б. Хеллмана, посвященном истории детской литературы «Сказка и быль: История русской детской литературы», (2016), где автор указывает на литературные контексты: «Под влиянием „Сентиментального путешествия“ (1768) Лоренса Стерна и карамзинских „Писем русского путешественника“ (1791–1792) Мария Гладкова (1795–?), первая русская детская писательница, написала сентиментальное путешествие для детей: „15-тидневное путешествие, 15-тилетнее писанное, в угождение родителю и посвящаемое 15-летнему другу“ (1810)» [Хеллман 2016, 22].

Е. П. Привалова — одна из первых в России исследовательниц истоков русской литературы для детей, поэтому большую часть её научного наследия составляют работы, посвященные периоду XVIII в. и начала XIX в.: первым авторам, создававшим литературу для детей, периодическим изданиям для детей начального периода, отдельным произведениям или их общей тематике. Так, в период с конца 1950-х до 1970-х гг. в сборниках «XVIII век» вышли статьи Приваловой о первых русских книгах для детей, изданных в последней трети XVIII в., журнале «Детское чтение для сердца и разума» (1785–1789) и авторах журнала⁴. В этих статьях Е. П. Привалова исследует содержание, критику и читательскую рецепцию журнала, устанавливает и раскрывает имена авторов анонимных повестей, рассказов и басен, изучает дворянское детство и социальную проблематику, отраженную в текстах журнала.

Папка с машинописью (неоконченной, по-видимому) работы об авторе «15-дневного путешествия...» содержит ещё три статьи, имеет рукописное название «Детские книги далекого прошлого» и общую датировку на обложке — «Ленинград, 1975». В неё входят черновики статей «А. Л. Шлёцер — автор исторической книги для детей» (1966), «Новое имя в списке детских писателей. О двух пьесах из сборника „Утренний свет“» (об. И. А. Тейльсе) и «Цесаревич Павел и книги (1764–1765)». Эти работы опубликованы в разные годы в сборниках «XVIII век». Творчество Игнатия Антоновича Тейльса (1744–1815) рассматривается в контексте первых драматических произведений для детей в статье о домашнем детском театре А. Т. Болотова («А. Т. Болотов и театр для детей» (1958)). Пьесы А. И. Тейльса «Награждение добродетели» (1781) и «Чувствование благотворений, драма с балетом, сочиненная в Твери и в высочайшем присутствии их имп. высочеств государей великих князей Александра Павловича и Константина Павловича, представленная питомцами Тверского дворянского училища 1787 г. июля

9 дня» (1787) интересны тем, что они обе «построены на русском материале» [Привалова 1958, 259]. Сюжет пьесы «Награждение добродетели» не отличается от сюжетов нравоучительных повестей переводных сборников, однако пространство, в котором происходят события пьесы, соответствует реалиям крепостнической системы России того периода: преданный слуга Степан идет на преступление ради своего разорившегося хозяина, ограбление богатого помещика Милосердова. Помещик выслушивает раскаявшегося Степана и, вместо наказания, принимает семью хозяина Степана и самого слугу в свою семью. Другая пьеса — «Чувствование благотворений...» представляет собой диалог двух помещиков, восхваляющих просветительскую деятельность Екатерины II.

В статье об известном историке А. Л. Шлёцере (1735–1809) Е. П. Привалова рассуждает о подходе к анализу исторических событий, описанном им в книге «Предуготовление к истории для детей» (1788): «Новаторство немецкого ученого заключалось в создании нового типа книги, книги, выдвигающей на первый план теоретические исторические проблемы и обращенной при этом к сознанию ребенка младшего возраста» [Привалова 1975, 201].

Эти статьи можно рассматривать как исследования о первых русских литературных произведениях для детей, созданных в последней трети XVIII в., и как обозначение основных направлений, связанных с изучением издательской деятельности Н. И. Новикова, поскольку пьесы И. А. Тейльса и книга «Предуготовление к истории для детей» А. Л. Шлёцера впервые были изданы в типографии Московского университета у Н. И. Новикова. Так или иначе, авторов книг связывали творческие отношения с издателем «Детского чтения для сердца и разума».

Привалову занимают вопросы об истоках русской детской литературы, первых оригинальных произведениях для детей и обстоятельствах их появления в репертуаре детского чтения. В последней трети XVIII в. влияние просветительских идей немецких, английских и французских философов и педагогов на русскую культуру было еще очень велико, литература, адресованная детям, состояла преимущественно из переводов и заимствований из европейской литературы, как детской, так и взрослой, например, таких авторов, как И.-Г. Кампе, С. Ф. Жанлис, А. Беркена, Ф.-Г. Дюкре-Дюмениля и других.

В первой половине XIX в., наряду с общими внешними изменениями в литературе и печати: расширением читательской аудитории и усилением роли прессы, которая постепенно становится

одним из главных выразителей различных общественных мнений и политических направлений, происходят и внутренние изменения, связанные с увеличением интереса к национальному самоопределению и поиском новых жанров и литературных форм. Детская литература отражает эти процессы и под влиянием интереса к истории и географии своего государства в художественной литературе для детей появляются герои, путешествующие по стране и познающие культуру и традиции своего народа. В репертуаре книг для детей появляется русская «литература путешествий» с развернутым географическим описанием окружающей местности или вписанными историческими справками о городах, памятниках архитектуры, этнографических особенностях.

Повесть «15-тидневное путешествие, 15-тилетнею писанное, в угождение родителю и посвящаемое 15-тилетнему другу», о которой идет речь в статье Приваловой, написана в жанре путевого дневника с отступлениями о географических, исторических и этнографических подробностях местности. Героиня путешествует с матерью, младшими сестрами и кузеном, посланным их сопровождать, а также с несколькими слугами и большим багажом. Повествование, ведется от лица просвещенной дворянки, едушей из Москвы в Петербург к своему отцу, по-видимому, на постоянное место жительства. Текст Гладковой также содержит многочисленные сентиментальные обращения к подругам, оставшимся в Москве. За посвящением следует краткое предисловие, в котором Гладкова выражает намерение компенсировать недостаток литературного мастерства искренностью. Одновременно извиняясь и оправдывая свой текст, она характеризует его как: «...не зрелого ума моего сочинение, которое писано с чувством юной девицы, не читавшей романов, следовательно и не умевшей украсить своего путешествия романтическим слогом но представившей все, что видела, слышала, чувствовала в подлинном изображении свободного описания, и не совсем на досуг, потому что была занята другою обязанностию» [15-дневное путешествие... 1810, [1]].

«Обязанность», о которой упоминает героиня-рассказчица заключается в том, что она в поучительной манере рассказывает своим младшим сестрам о главных точках маршрута во время их путешествия. Поэтому дневник Гладковой состоит из исторических и географических описаний, которые она собирает для рассказов сестрам. Таким образом дневник путешествия Гладковой представляется образовательным упражнением для девушки-путешественницы, где она выступает в роли учителя, и ученицы.

Главная героиня повести М. Гладковой лишена имени, чтобы скромно подчеркнуть, что возраст («пятнадцатилетняя»), дружба и покорность родителям — более подходящие категории для определения ее идентичности, чем имя.

В статье Е. П. Привалова устанавливает прототип семьи рассказчицы: отец семейства, Иван Васильевич Гладков (1766–1832), генерал-лейтенант, участник Аустерлицкого сражения и многих других военных походов, Московский и Санкт-Петербургский обер-полицмейстер, был женат на Марии Сергеевне Мартыновой (1773–1846) и имел трех дочерей: Наталью, Екатерину и Варвару. Как видно из перечисленных имен дочерей Гладкова, имени начинающимся на «М» среди них не было. Привалова связывает это обстоятельство с возможной смертью или ранним замужеством дочери, а также считает возможным прототипом жену Гладкова — Марию Сергеевну.

В пользу авторства Марии Сергеевны Гладковой говорит несколько факторов. Рассказывая о своем путешествии, Гладкова сосредотачивает внимание на описании женского мира. Она склонна игнорировать мужчин, встречающихся на пути, в пользу женщин: своей матери и сестер, служанок и крестьянок, жен и дочерей начальников станций и купцов, других женщин-путешественниц. Внимание к этому женскому миру, отражает сферы социальной активности, которые соответствовали полу и возрасту 15-летней девочки. Здесь интересен тот факт, что Гладкова описывает участие в женском мире в основном без родительского или какого-либо иного посредничества, как независимый и самостоятельный взрослый человек. Нравоучительный тон и независимая позиция Гладковой проявляется в некоторых сюжетах, например, в восторженном рассказе о посещении купеческой семьи, принимавшей путешественников в Твери:

...здесь-то я видела купеческой по старинному обед... <...> Ах! Какое я чувствовала удовольствие, взирая на круг сего семейства, мне кажется, в оном все дышали простотой, невинностью и спокойствием. Я сказала им хлеб да соль, а они отвечав, хлеба кушать, очистив для меня место, с почтительной искренностью просили меня сесть с ними за стол... [15-дневное путешествие... 1810, 33–34].

Этот независимый тон проявляется и в других сценах, когда Гладкова благословляет невесту на купеческой свадьбе и при встрече с крестьянскими девушками, которые продают (или иногда отказываются продавать) свои товары. Она сама контролирует многие

из описанных ситуаций и закрепляет их значение с помощью комментария.

Влияние литературного и социального авторитета Гладковой проявляется еще очевиднее, когда повествовательница и ее сестры отправляются в лес, чтобы выпить свежего молока в деревне. Здесь девушки встречают «...трех молодых крестьянок, выходящих из леса с кузовами, наполненными грибов», которые одеты «практически в одни рубахи» [15-дневное путешествие... 1810, 50]. Когда одна из сестер Гладковой смеется над этими девушками за их непристойный наряд, крестьянка отвечает: «поберегитесь, ветер начинается, а у вас шляпы или шатры на головах привязаны, то чтобы не унес их ветер, да и вас вместе с ними, ибо вы все такие маленькие и легкие» [15-дневное путешествие... 1810, 53]. Признавая некоторую справедливость этой колкости, Гладкова надеется исправить положение, пытаясь купить грибы, но те не продаются. Тогда она пытается риторически загладить свою вину, утверждая, что «...простая и легкая одежда, покрывающая сих трудолюбивых крестьянок» должна считаться «драгоценной», поскольку «орошается потом, коему мы одолжимы питательными растениями, вспомоществующими к продолжению нашего бытия под солнцем» [15-дневное путешествие... 1810, 53].

Установление авторства «15-дневного путешествия...», по мнению Е. П. Приваловой, влияет на интерпретацию событий в повести. Она предлагает анализировать содержание произведения с двух жанровых позиций: «Разные пути решения проблемы атрибуции ведут и к разному пониманию жанра произведения. Если автору действительно только 15 лет, перед нами дневник автобиографического типа, раскрывающий духовный мир девушки-подростка. Если автор — человек взрослый, мы имеем дело с повестью-путешествием, дающей право писателю на вымысел, на свою трактовку героя» [наст. изд.]⁵.

В архиве Приваловой это произведение находится рядом с другими работами, где говорится о важных вехах в истории детской литературы — книгах по истории для детей и первых пьесах для детского театра. Исследовательница фиксирует первую попытку создания («О первом труде неопытной писательницы») в русской литературе, обращенной к детям, произведения, написанного от лица пятнадцатилетней дворянки, в котором автор размышляет о национальном самосознании. При этом Е. П. Привалова устанавливает влияние литературной традиции сентиментализма и прямое цитирование эпистолярного наследия Н. М. Карамзина и

А. Н. Радищева, черты которого писательница пытается перенять для своего дневника путешествия при описании одних и тех же мест географических пунктов путешествия (Великий Новгород) или пейзажа: «Влияние Карамзина не ограничивается мелочами. Они гораздо шире и глубже. Оно сказывается в описаниях природы, которым в „15-ти Дневном путешествии“ отводится много места. Пейзаж Гладковой — карамзинский пейзаж, пейзаж, окрашенный в сентиментальные тона. Красота природы не просто создается и описывается. Она вызывает у зрителя чувствительность, трогательное умиление, восторг» [наст. изд.].

Писательница убедительно демонстрирует свое знакомство с литературными приемами сентиментализма и с интересом наблюдает за укладом жизни людей в других местностях. Однако при сопоставлении путешествий Карамзина и Радищева с литературным опытом анонимной писательницы, по словам Приваловой, главным отличием будет «...глубина отношения художника к действительности. <...> Сознание юного сочинителя не могло дорости до философских проблем и выйти за рамки сентиментальной чувствительности» [наст. изд.], поскольку ведение дневника для «неопытной писательницы», это в первую очередь развитие своих писательских навыков, тренировка художественного письма по наставлению отца и проводимое с пользой время в путешествии. К этому нужно добавить просветительскую задачу — дать полезные знания младшим сестрам о тех местах, которые они проезжают. Тем не менее первый труд неопытной писательницы М. Гладковой является также и первой оригинальной русской литературой, адресованной детям, где говорится о том, из чего складывается национальная идентичность.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Екатерина Привалова

О первом труде неопытной писательницы

Русская литература начала XIX в. характеризуется широким распространением жанра путешествий. Среди произведений этого типа привлекает внимание небольшая книжечка с оригинальным

названием: «15-ти дневное путешествие 15-ти летнею писанные, в угождение родителю, посвящаемое 15-ти летнему другу»¹⁾.

На титульном листе автор не значится, но «посвящение ее сиятельству графине Марии Дмитриевне Салтыковой двора ее императорского величества фрейлине», которым открывается книга, имеет подпись М. Гладковой.

Исследователи не прошли мимо этого скромного издания. В. В. Сиповский в его солидном труде «Н. М. Карамзин — автор писем русского путешественника» отнес «15-ти дневное путешествие» к «скользящим по уклону эпигонства» сентиментальным произведениям школы Н. М. Карамзина. Мельком остановилась на книге М. Гладковой Т. Раболи^{2),3)}. Исследовательница отнесла сочинение 15-летней писательницы к так называемому гибриднему типу. Под этим понималось путешествие широкого профиля, содержащее исторический, географический, этнографический и бытовой материал.

Трудно опровергать мнение, высказанное исследователями. Думается, однако, что более детальный анализ «15-ти дневного путешествия» приводит к более богатым выводам.

Итак, кто, куда и зачем пускается в путь? Маршрут путешествия Москва-Петербург. Поездка длится 15 дней, от 17 до 31 августа 1810 г. Едет мать, несколько дочерей и двоюродный брат, который сопровождает семью до Петербурга. Количество детей не уточнено. Видимо, их немало. Во всяком случае, автор с юмором говорит, что их карета «представлялась ласточкиным гнездом по немалому числу маленьких голов, из окна высунувшихся»⁴⁾. Старшей девочке, от лица которой написан дневник, 15 лет. Следующей сестре идет 14-ий год. Зовут ее Наталья (семья отмечала день ее ангела 26 августа). Упоминается еще одно имя Варвара. Возраст двоюродного брата не указан. Видимо, он старше своих кузин. Юноша увлекается охотой, читает лекции сестренкам, дает дельный совет юному автору. В Петербурге семью вдет выздоравливающий от тяжелой болезни отец.

¹⁾15-ти дневное путешествие, 15-ти летнею писанное, в угождение родителю и посвящаемое 15-ти летнему другу. 1810-го года августа месяца. Санктпетербург: в типографии Губернского правления, 1810. 126 с.

²⁾Роболи Т. Литература «путешествий» // Русская проза: Сб. ст. / под ред. Б. Эйхенбаума и Ю. Тынянова. Л.: Academia, 1926. С. 42–79.

³⁾В наши дни принято написание Раболи (Раболи Татьяна Альфредовна (1892–1972)) (прим. ред.).

⁴⁾15-ти дневное путешествие. С. 57.

О среде, окружающей юного путешественника, мы знаем очень мало. Кроме уже упомянутой фрейлины М. Д. Салтыковой названа еще одна дорогая сердцу подруга Е. Кн. Щ. ... Очень важно указание на тетку девочек Н. Ш., бывшую монахиню тверского Рождественского монастыря. С гордостью вспоминает юная сочинительница о визите к ее родителям в Москве принца Ольденбургского и мечтает посетить в Твери «ангела сей земли» сестру императора Екатерину Павловну. Мечте не суждено было сбиться: Ольденбургской не было в городе.

Ничего не сказано о причинах, вызвавших отъезд семьи из Москвы. Ясно, что дело идет не о временной отлучке. Семья переселяется в Петербург. С глубокой печалью прощается девушка с древней столицей. Она оставляет здесь милых сердцу подруг и прекрасных учителей. Подобных педагогов она не надеется встретить в Петербурге. Вот прощальные слова, обращенные путешественницей к Москве:

«Какое величество! Какая разнообразность предметов! О прелестная Москва! Не забуду никогда твоего вида. Ах! для чего не пребывают в тебе цари наши!»⁵⁾

Указанные факты приводят нас в хорошо знакомую современникам семью Гладковых.

Уроженец Саратовской губернии, Иван Васильевич Гладков начал свою карьеру с Аустерлицкой битвы, где показал себя мужественным воином. С 1807 по 1810/11 годы занимал место обер-полицмейстера в Москве. Видимо, оставление Гладковым московской службы и вызвал переезд его семьи из Москвы в Петербург. В разгар Отечественной войны Гладковы жили в Твери. Ивану Васильевичу была поручена вербовка войск. С 1821 по 1825 г. Гладков занимал моего обер-полицмейстера в Петербурге. Служебную деятельность он закончил в чине генерал-лейтенанта. Умер сенатором. Такой образом, вся служебная деятельность Гладкова была связана с правящими кругами. В число его обязанностей входило уничтожение запрещенных книг, сбор секретных сведений для графа Уварова, который, в свою очередь, сообщал их государю, усмирение крестьянских бунтов. Особенно показательно то, что делал Гладков не по долгу службы, а по собственному желанию. В 1824 г. влияние А. Н. Голицина было заменено руководящей ролью Аракчеева. В этом деле большого политического значения активную роль рядом с Магницким играл Гладков и его сестра казанская монахиня

⁵⁾Там же. С. 16.

Назарета. (Вспомним монахиню Н. Ш., тетку юного автора 15-ти Дневного путешествия).

Гладков был женат на Марии Сергеевне Мартыновой и имел трех дочерей — Наталью, Екатерину и Варвару.

Человек с такой биографией, естественно, должен был иметь репутацию заядлого реакционера. Только граф Уваров да «полуфанатик, полу-плут» Фотий могли превозносить патриотизм и высокие нравственные качества Гладкова. Передовая общественность относилась к нему резко отрицательно. Из дневника А. С. Пушкина узнаем, как был забаллотирован Гладков в члены Английского клуба. Декабрист Батенков⁶⁾ открыто издевался над Гладковым, предлагая ему почетную роль главы тайного общества. Любопытно, что самую отрицательную характеристику давал ему Н. И. Греч, сам человек далеко не устойчивых политических взглядов. Он собирался даже написать статью, посвященную «пьяному Гладкову», но, к сожалению, не осуществил своего намерения.

И тем не менее, было бы несправедливым причислить Гладкова к числу реакционеров-мракобесов, то есть людей невежественных и ограниченных. К сожалению, наши сведения о быте этой семьи очень ограничены. Есть основания полагать, что супруги Гладковы умели ценить образование и не были чужды литературным интересам. Об этом свидетельствует не только внимательное чтение «15-ти дневного путешествия», но и другая книжка, вышедшая из недр той же семьи. Мы говорим о сборнике рассказов «Занятия в приятные часы». В словарях и библиографических указателях эта книжка приписывается фрейлине при высочайшем дворе Екатерине Гладковой. Автор посвятил свой труд императрице Марии Федоровне⁷⁾.

Сочинение Ек. Гладковой отражает следующий, тверской этап жизни семьи. Замысел автора имел много общего с путевым дневником М. Гладковой. Группа девочек во главе с гувернанткой (одну из девочек зовут Варварой) приезжают к тверскому вокзалу на берег Волги «нарвать молодых полевых цветов для Папенки и Маменьки». Старшая сестра проводит с девочками ряд бесед. Художественное достоинство их ниже путевого дневника М. Гладковой. Лучше других рассказы автобиографического характера, в особенности первый из них, посвященный «размышлениям об Екатеринингофе и Невском устье». Перед глазами детей встает великий город.

⁶⁾Опечатка в тексте статьи. Правильно — Батеньков (прим. ред.).

⁷⁾Гладкова Е. Занятия в приятные часы. Санктпетербург: в Морской типографии, 1822. 43 с.

Каждая страница пронизана преклонением перед Петром Великим «лучезарным гением света, благодетелем, преобразователем и просветителем России». Вот они великие деяния Петра — Вышневолоцкий и Ладожские каналы, Петропавловский собор, первые здания, выросшие среди мха и болота, приказы, адресованные замечательным путешественниками — Крашенинникову, Берингу, Чирикову. Рассказчица неплохо эрудирована в области литературы. Об этом говорят многочисленные цитаты и эпитафии из сочинений Ломоносова, Сумарокова, Державина, Дмитриева. Вся книга в целом окрашена в сентиментальные тона.

Итак, мы знаем семью, в которой родилась заинтересовавшая нас книга. Сложнее обстоит дело с точным определением автора. Кто же такая М. Гладкова?

В книге постоянно подчеркивается юный возраст писательницы. Об этом говорит уже эпитафия, напечатанный на титульном листе:

«Reprochez — vous a une jeune persone de n'êtrе pas savante? Si non, je seral satisfaite»⁸⁾

В посвящении пятнадцатилетнему другу автор говорит о «слабости» своего пола и просит снисходительно отнестись к труду неопытной писательницы. В обращении к читателю писательница характеризует себя, как юную девицу, «не читавшую романов» и обладающую «незрелым» умом. Казалось, все ясно. Не случайно В. В. Сиповский совсем не коснулся возраста автора, а Т. Раболи в подстрочном примечании в юном возрасте сочинительницы увидела доказательство широкой популярности «Писем русского путешественника» и его последователей.

Однако есть один факт, заставляющий нас с осторожностью подойти к проблеме атрибуции «15-ти Дневного путешествия». В солидных источниках документального характера (История сената, Петербургский некрополь, Биографический словарь Половцева) в семье Гладковых значатся три дочери. Среди них нет имен, начинающихся с буквы М. Возможно, что были серьезные причины этого пропуска (раннее замужество, ранняя смерть). Возможно, что пропуск не ограничился одним именем. Ведь семья с тремя детьми не могла дать повод сравнивать карету путешественников с ласточкиным гнездом. Невольно возникает другой путь атрибуции «15-ти Дневного путешествия». Под М. Гладковой можно подразумевать

⁸⁾ Упрекнете ли вы иное создание в том, что оно недостаточно образовано? Если нет, я буду удовлетворена.

жену Гладкова Марию Сергеевну. Не исключена возможность, конечно, что в руках матери имелись и записки одной из юных дочерей. В пользу авторства взрослого человека говорит взрослый тон повествования, который прорывается на некоторых страницах книги и о которых мы скажем дальше. Правда, здесь надо помнить, что пятнадцатилетняя девушка тогда и теперь — разные люди. В те времена девушка в пятнадцать лет уже невеста, человек активно думающий об устройстве своей судьбы.

Разные пути решения проблемы атрибуции ведут и к разному пониманию жанра произведения. Если автору действительно только 15 лет, перед нами дневник автобиографического типа, раскрывающий духовный мир девушки-подростка. Если автор — человек взрослый, мы имеем дело с повестью-путешествием, дающей право писателю на вымысел, на свою трактовку героя.

Но и в том и другом случае читатель в праве ждать от художественного произведения правдивого образа юной девушки с ее восприятием окружающей действительности.

Обратимся теперь к самой книжке.

Для юных путешественников дорога от Москвы до Петербурга не была просто отдыхом или развлечением. Родители сделали все, чтобы поездка обогатила дочерей знаниями и повысила их умственный уровень. Отец поручил старшей дочери вести дневник путешествия. Мать точно распределила режим девочек, а старшей из них поручила проводить занятия с сестрами. Время старшей сестры было заполнено до отказа. «Жаль, что не имею Шпанского парика и Вольтеровских кресел, тогда бы я представляла себя профессором» — шутила над собой юная сочинительница.

Самой трудной задачей оказалось ведение дневника. Девушка оказалась совершенно беспомощной перед выполнением отцовского поручения. Три раза она начинала писать и три раза рвала написанное. Выручил ее двоюродный брат. «Он сказал, что ни в чем не нужно отчаиваться, — пишет автор „15-ти Дневного путешествия“, — а в журнале пиши все, что придет в голову, вот и будет хорошо, помещай все, что видала и слышала»⁹⁾. Путь был найден. К виденному и слышанному девушка стала прибавлять то, что чувствовала и о чем думала.

Был у М. Гладковой и другой учитель, более мудрый — Н. М. Карамзин. Влияние его чувствовалось с первых же строк дневника 15-летней путешественницы, хотя имя его нигде не упо-

⁹⁾15-ти дневное путешествие. С. 10.

миналось. Об этом говорит ряд общих деталей и сценок. На одну из таких мелочей мы уже указали: и для Гладковой, и для Карамзина атрибутами профессорской учености служили шпанский парик и вольтеровское кресло.

Приведем еще один убедительный пример.

В «Письмах русского путешественника» читаем: «Если бы теперь спросили меня: чем нельзя никогда насытиться? То я ответил бы: „Хорошими видами“. Сколько я видел прекрасных мест! И при всем том смотрю на новое с самым живым удовольствием»¹⁰⁾.

Эта цитата звучит у Гладковой так:

«Теперь соглашаюсь с одним чувствительным путешественником, который отвечал на вопрос, ему поставленный: чем нельзя никогда насладиться — хорошими видами. Действительно так, ибо сколько бы не видал прекрасных мест, то при всем том в привеликим¹¹⁾ удовольствием стал бы смотреть на новое»¹²⁾.

Влияние Карамзина не ограничивается мелочами. Оно гораздо шире и глубже. Оно сказывается в описаниях природы, которым в «15-ти Дневном путешествии» отводится много места. Пейзаж Гладковой — карамзинский пейзаж, пейзаж, окрашенный в сентиментальные тона. Красота природы не просто создается и описывается. Она вызывает у зрителя чувствительность, трогательное умиление, восторг. Вот раннее утро в описании М. Гладковой:

«Целое утро жаворонки, пробужденные чувством удовольствия, взвившись в высотах воздуха, наполняли его пением»; «Овечки, вышедшие из очного своего убежища, спешили и резво рассыпались по долинам»; «Маленькие барашки, оживленные кротким утренним воздухом, с восторгом прыгали по освеженной мураве».

Жаворонки, овечки, барашки, мурава (не трава, а именно мурава), кроткий (не просто чистый и прохладный, а именно кроткий) воздух. Таковы непрощенные атрибуты утреннего пейзажа. Здесь не просто красота природы, но и чувства, ею возбужденные: «живое чувство удовольствия», «услаждение», «восторг». «Ах, как природа прекрасна — таков итог пережитых впечатлений»¹³⁾.

В тех же сентиментальных тонах, но с большей серьезностью и глубиной дана юной сочинительницей и картина лунной ночи.

¹⁰⁾Карамзин Н. М. Избранные сочинения: В 2 т. Т. 1. М.-Л.: Худож. литература, 1964. С. 275.

¹¹⁾Здесь и далее сохранены орфография и пунктуация «15-ти дневного путешествия...».

¹²⁾15-ти дневное путешествие. С. 79.

¹³⁾Там же. С. 49.

Юная сочинительница сидит в саду, «погрузившись в рассуждения», и не чувствует, как теплый и приятный вечер, как «величественная ночь покрывает темною завесою землю». Все способствует погружению человека вглубь самого себя: и серые облака, опутывающие «задумчивый» образ луны, и трепещущий лунный луч, когда он, «приземляясь в тучках, тихо несется дошу», и погасшая луна, ставшая от этого «тем любезнее»¹⁴⁾.

Читая эти страницы, невольно переносишься в наши отроческие года. Школьники нашего поколения привыкли связывать с Карамзиным главным образом, а иногда и только сентиментальный пейзаж. Об этом существенном пробеле, об этой ошибке хорошо сказал акад. Конрад в своей интересной статье «Русские путешественники»¹⁵⁾. Влияние Карамзина должно было быть гораздо шире и многограннее. В «Письмах русского путешественника» мы встречаем яркие портреты людей, и описание городов, и анекдоты, и явную склонность автора к историческим легендам. Юная писательница не прошла мимо этого разнообразия. Она создала «скользящий по уклону эпигонства» гибридный дневник.

Для М. Gladковой в путешествии наиболее интересны встречи с людьми. Наиболее это интересно и для нас, читателей последующих поколений.

Остановимся хотя бы на конфликте матери семейства с встретившейся по пути болтливой дамой. Словоохотливая собеседница мечтает сопроводить путешественников до Петербурга. Мать категорически возражает, боясь вредного влияния знакомой на детей. Мотивы отказа чрезвычайно характерны для воспитательной атмосферы, царящей в семье Gladковых, да и не только Gladковых. Новая знакомая оказывается любительницей сказок, причем народных сказок, в стиле сказки о черном козле и белом волке. Мать не может допустить, чтобы подобные «страшные небылицы», подобное «множество вздору» формировали сознание подрастающего поколения. Пятнадцатилетняя дочь вполне солидарна с матерью и хочет помочь ей. Она рассказывает сестренкам эпизод из своей практики. Усталая после суетного дня, она уходит в свою комнату. Гасит свет и ложится спать. Вдруг душу ее охватывает ужас. Ей начинает казаться, что она не одна в комнате. Она ясно видит страшное чудовище, которое крадется к ее кровати. Лунный свет про-

¹⁴⁾ Там же. С. 8.

¹⁵⁾ Конрад Н. Письма русских путешественников // Новый мир. 1968. № 6. С. 253–268.

никает в комнату и все становится ясным. Чудовище оказывается мирным котом, желающим поспать в теплой кровати. Как здесь не улыбнуться! Как здесь не вспомнить мудрую народную поговорку: «у страха глаза велики». Такова педагогическая атмосфера, царящая в тогдашней дворянской семье.

Однажды юной путешественнице удалось столкнуться и со своими сверстницами, с группой веселых нарядных девушек, близких ей по воспитанию и среде.

Однако их замечательные наряды не вызвали у нее одобрения. В голове мелькнули следующие мысли: «Многие думают, что французские портнихи искусней самой природы». Не лучше и в нашей стране: «А у нас мода не довольствуется тем, что одевает нас в смешные и не сходственные с климатом платья, но выдумывает еще тысячу таких украшений, которые ни к чему не нужны и беспокожны, как те и сии чрезвычайной величины шляпы»¹⁶.

Любителям мод стоит обратить внимание на одну деталь. И в «Письмах русского путешественника» Карамзина и у Гладковой «необычайной величины шляпа» упоминается неоднократно.

Путешественница пытается познакомиться с модницами, приветствуя их сначала на родном, а потом на немецком языке, но ответа не получает. Но стоит перейти на французский, как тот час же завязывается оживленная беседа.

«О, как мне всегда больно, — пишет по этому поводу автор дневника, — ежели русские не хотят говорить своим языком, а особливо, когда вспоминаю, что в древние времена и побежденные славянами народы перенимали их язык»¹⁷.

В этих словах огранена та борьба с манией, которая нарастала в русском обществе в канун 1812 г.

Любопытные страницы путевого дневника посвящены пребыванию путников в семье валдайского купца. Здесь невольно встает в памяти «Путешествие из Петербурга в Москву», где радищевский путешественник тоже проводит вечер у купца в Новгороде.

Есть факты, роднящие эти два рассказа. Купеческая семья у Радищева состоит из четырех человек: отца, матери, сына и его молодой жены. У Гладковой к ним добавляются старушка — бабушка. Радищевский путешественник попадает к Карпу Дементьевичу на другой день после свадьбы сына. Гладковы — в день бракосочетания молодого купца. Обе семьи чрезвычайно гостеприимны и

¹⁶) 15-ти дневное путешествие. С. 94–95.

¹⁷) Там же. С. 98.

в обоих случаях это объясняется не только общепринятой традиционностью. Были для этого и сугубо личные причины. В прошлом оба купца были обязаны чем-то значительным своим сегодняшним гостям. В чем заключалось дело, по которому валдайский купец обращался к московскому полицмейстеру, мы не знаем. Новгородец же Карп Дементьевич сумел нажить себе немалое состояние, обведя вокруг пальца героя радищевской книги. Не случайно, надо полагать, путешественник из Петербурга в Москву, простясь с радушным хозяином, предается мысли о вексельном праве. При сходстве отдельных фактов общая оценка купеческого сословия у обоих авторов резко противоположна, не говоря уже о литературном качестве обеих характеристик.

Радищевские «силуэты» новгородских купцов рисуют действительность с крайне неприглядной стороны.

Глава семьи Карп Дементьевич — способный делец в полном смысле этого слова. Умеет достичь своих корыстных целей всеми правдами и неправдами. Его жена, несмотря на пожилой возраст, — модница и кокетка. Щеки ее горят румянцем. Зубы черны, как полагалось в те годы. Сын в отца. Уже сейчас он обмерит и обвесит кого угодно. Молодая жена, ходящая уже на второй день после свадьбы с синяками на лице, стреляет глазами на каждого проходящего мимо мужчину.

Совсем другими глазами смотрит на своих хлебосольных хозяев пятнадцатилетняя путешественница. Вот ее встреча с молодоженами: «Жених, а особливо невеста, были прекрасны, румянец беспрестанно играл на щеках ее, а в глазах были слезы и нежная томность. Я (не мать ли семейства? Е. П.) после свадьбы подошла и поздравила невесту, взяв ее за руку сказала: будь счастлива, моя милая, ты хороша и верно будешь любима, — она взглянула на меня, и в выразительном взоре изъявила скромную благодарность за мое приветствие, а жених с улыбкою посмотрел на свою невесту»¹⁸⁾.

Чем не идиллия! Чем не пастушка с венками на голове! Типичная сцена из сентиментальной повести.

А каким благочинием веет от слов старой бабушки, которую тянет на север, к морю, в новую столицу, «где живут добрые цари наши».

И тем не менее сквозь паутину этой литературной чувствительности прорываются отдельные черты живой жизни. Они говорят о наблюдательности и остром уме юного автора. С любопыт-

¹⁸⁾ Там же. С. 84.

ством присматривается девушка к особенностям купеческого быта. Ни жена, ни дети не имеют права сесть за стол, пока не занял своего места глава семьи, отец. Купцы знамениты своим хлебо-сольством. Обилие похлебок и разнообразие пирогов на их столах буквально потрясает! Вот откуда идет всем известная тучность русского купечества. Внимательно прислушивается путешественница к особенностям говора местного населения, к их характерному для новгородской округи оканью.

Наиболее интересные страницы посвящены встрече дворянской семьи с крестьянами, с трудовой жизнью народа. Какие же мысли возбудили эти новые впечатления в душе пятнадцатилетней дочери московского обер-полицмейстера?

В «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина есть такой эпизод:

«Две молодые веселые пастушки, смотря на меня, беспрестанно смеялись. Я говорил им, что простая и беспечная жизнь их мне весьма нравится и что я хочу остаться у них и вместе с ними доить коров. Они отвечали мне одним смехом»¹⁹⁾.

Близкая сюжетная ситуация есть и у Гладковой. Выйдя во двор, путешественница встречает двух хозяйских дочерей, доящих коров.

«Подошел к ним и смотря на них долго, сказала я, что простая и несуетливая жизнь их мне нравится и что я останусь у них и вместе с ними буду доить коров. А они, посмотрев на меня, засмеявшись отвечали: нет, барыня, наша жизнь труднее твоей, напрасно ты так думаешь»²⁰⁾.

У Карамзина встреча с пастушками не более, чем простое балагурство, кокетливое заигрывание молодого человека с хорошенькими девушками. Этот случай вряд ли оставил какой-нибудь заметный след в душе русского путешественника.

Иначе воспринимает встречу с доярками юная москвичка. «Видно всякое состояние имеет свои неприятности и заботы». Как ни наивна, как ни примитивна эта мысль пятнадцатилетней дворянки в ней нельзя не заметить, однако, живого интереса к социальной теме. И живая заинтересованность, живое внимание к социальной стороне быта проходит через весь путевой дневник.

Обратимся опять к Карамзину. В его письмах есть рассказ о встрече русского путешественника с молодыми красивыми женщинами в амазонских платьях и черных шляпах.

¹⁹⁾Сноска пропущена (прим. ред.).

²⁰⁾Сноска пропущена (прим. ред.).

«Я остановился и смотрел на них с удивлением. Они также взглянули на меня, и одна из них сказала с лукавой усмешкой: „Поберегите свою шляпу, государь мой! Ветер может унести ее“. Тут я вспомнил, что мне надлежало снять шляпу и поклониться красавицам. Они засмеялись и пошли мимо»²¹⁾.

У Гладковой мы тоже встречаемся и с ветром и с большими шляпами, но социальный смысл эпизода, где они фигурируют, здесь гораздо серьезнее и глубже. Для читателей нашего времени вдуматься в эти страницы особенно интересно. Девочки выходят из коляски и под предводительством старшей сестры направляются пешком к ближайшей деревне. По дороге они встречают деревенских девушек с большими корзинками грибов в руках.

«Они были почти в одних рубашках, — рассказывает Гладкова, — и потому, увидя их в столь спокойной одежде, которая из нас рассмеялась, промолвив: ах! Как им прохладно. Одна из крестьянок, видно, услышав сие, обиделась и, посмотрев на нас с умышленною несмешкою, сказала: барышни „поберегитесь, ветер начинается, а у вас шляпы или шатры на головах привязаны, то чтобы не унес их ветер, да и вас вместе с ними, ибо вы все такие маленькие и легкие“»²²⁾.

Старшая сестра всеми силами пытается заглазить бестактность сестренки, но напрасно. Самолюбие крестьянок серьезно уязвлено.

«Как, милые мои, неужели вы думаете, что мы так несчастливы, что будем игралищем бури, непогоды, ветра? Сохрани нас от этого бог. А потом подумала я, что насмешка их справедливее нашей, почему хотела было купить кузова два грибов и тем утешить их взамен начатой нами насмешки, они, пожелав нам счастливого пути, не продали их»²³⁾.

У Карамзина встреча молодого путешественника с француженками — светский урок вежливости, не более. У Гладковой разговор юных дворянок с крестьянками — поединок двух групп молодежи, стоящих на разных ступенях общественной лестницы. В ответе крестьянок барышням, в их отказе продать грибы чувствуется задетое чувство собственного достоинства. Перед нами здесь, как и в сцене с валдайскими доярками, не бедные Лизы, а родные сестры радищевской Анюты.

²¹⁾Карамзин Н. М. Избранные сочинения. Т. 1. С. 336.

²²⁾15-ти дневное путешествие. С. 51.

²³⁾Там же. С. 53.

Случайная дорожная встреча не прошла для юной дворянки бесследно. Она сумела почувствовать под, казалось бы, незначительным разговором серьезную социальную подоплеку. Недаром память не раз возвращает ее к этому эпизоду. Вот вывод, сделанный ею из пережитого:

«...простая и легкая одежда, покрывающая сих трудолюбивых крестьянок, в очах наших должна казаться драгоценнее одежды, придающей единоминутный блеск гордой роскоши неразумного богача. Ибо одежда поселянок сих орашается потом, коему мы одолжимы питательными растениями, вспомоществующими к продолжению нашего бытия под солнцем».

Во время двухнедельной поездки путешественники проехали немалое число городов и селений. Мы успели уже убедиться в том, что автор дневника, рассказывая о встречах с людьми, умел иногда находить живые краски. К сожалению, в описании городов над личными впечатлениями иногда явно доминировали сведения, почерпнутые из так называемых «дорожников», то есть путеводителей. Это было неизбежно в беседах, проводимых с младшими сестрами. Чтение дорожников, с одной стороны, обогащало записки фактами, но, с другой стороны, засушивало их.

Благочестивая семья, в первую очередь, интересовалась тем, что было связано с религиозным культом. С умилением поклоняются путешественники мощам святых, посещают монастыри и церкви, любят старинную церковную утварь. Следуя Карамзину, юный автор любит связать виденное с легендами и преданиями.

В Твери Гладковы прежде всего спешат посетить Рождественский монастырь, в котором тетка девочек Н. Ш. «некогда обитала и стараниями своими украшала здание». В Торжке внимание их привлекает один из стариннейших в России Новоторжский Борисоглебский монастырь. Его основатель боярин Епифан был потрясен не только гибелью молодых князей, но и личным несчастьем: вместе с ними были убиты его брат и любимый ученик. Помолвились путники, преклонив колени перед мощами кн. Вяземского и вспомнив связанную с ним легенду. Князь Вяземский пал от руки Григория Смоленского, страстно влюбленного в его жену. Погибла и сама княгиня. Трагично кончил свои дни убийца. Он умер в полном одиночестве, проведя ряд лет в далекой пустыне.

В «15-ти Дневном путешествии» читатель получает обильные сведения об учреждениях важного культурного и промышленного значения. Горячо прославляет автор Екатерину II-ую за ее роль в восстановлении Твери после пожара. Мельком упоминается

об открытии тверского училища для дворянских детей, о котором, к сожалению, мы не так мало знаем из наших книг по истории педагогики. Преклонение перед Петром Великим — ведущая тема путешествия. Автор считает гениальной мысль царя о соединении Каспийского моря с Балтийским. День, проведенный в Вышнем Волочке, полностью посвящен описанию каналов и шлюзов, рассуждению о пользе этих мероприятий для промышленности и торговли.

«Что город, то норов». Эта пословица не случайно стоит на страницах дневника. Автора интересует «норов» каждой местности. И природные богатства области, промыслы и торговля населения и пейзаж и особенности говора народа. Книжка Гладковой могла бы послужить неплохим дорожником для юного читателя.

Вот Клин, в недавнем прошлом родовая усадьба Романовых. Петр I превратил ее в поселок ямщиков. Клинская флеровая фабрика и кружевницы Торжка в то время пользовались известностью во всей стране. А вот и древние Бронницы.

К сожалению, дождь помешал путешественникам осмотреть «славящийся высокий холм, на коем и до днесь, говорят, виден древний вал и студенец, почему и вероятно, что тут был тот славный Россов Холмоград, в который короли северные нарочно приезжали для моления»²⁴).

Вспомним соответствующее место у Радищева. Радищевский путешественник «захотел посетить высокую гору, близ Бронниц находящуюся, на которой, сказывают, в древние времена, до пришествия, думаю, Славян, стоял храм, славившийся тогда издаваемыми в оном прорицаниями, для слышания коих многие северные владельцы прихаживали. На том месте, повествуют, где ныне стоит село Бронницы, стоял известный в Северной древней истории, город Холмоград»²⁵).

Сухо и деловито сообщала Гладкова сведения о горячих источниках и железной руде в Старой Русе. Зато рассказ о реке Волхове был овеян поэзией. Согласно легенде всех проезжающих по этой реке грабили и убивал славянский князь Волк, принимающий в эти роковые часы вид крокодила.

Наибольшее место в «Пятнадцатидневном путешествии» отдано двум городам — Новгороду и Валдаю. В обоих главах удачно

²⁴) Там же. С. 100.

²⁵) Радищев А. Н. Полное собрание сочинений. М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1938. Т. 1. С. 267.

сочетаются краткие сведения, почерпнутые из книг, с личными впечатлениями и размышлениями.

Приближаясь к Новгороду, пятнадцатилетняя путешественница переживает то же, что и герой «Путешествия из Петербурга в Москву»: чувство гордости за великое прошлое Новгорода, глубокою печалью о сегодняшнем дне прославленного когда-то города.

Исторические факты, приводимые Радищевым и Гладковой частично совпадают. Основание Новгорода славянами в V-ом веке. Широкий размах торговли. Слабая роль князей, мощная власть веча. Участие города в Ганзейском союзе. В обоих книгах приводится древнее изречение: «кто может против бога и Новгорода». Близок к Радищеву и гладковский рассказ о зверской расправе московского князя Ивана Васильевича с новгородцами. Интересны некоторые дополнения, сделанные Гладковой к рассказу о городе: цифры о количестве жителей в нем прежде и теперь, Софийский собор и связанная с ним поэтическая легенда и т. д.

Идейная направленность обоих произведений, произведения великого русского писателя и сочинения, написанного неопытной рукой — различны. Дело идет даже не столько о направленности, сколько о глубине отношения художника к действительности. Для Радищева Новгород — повод для философского рассуждения об исторических судьбах государства и народов, в частности о причинах падения великого города. Лейтмотив соответствующей гладковской главы — печаль, грусть, сожаление об утраченной славе и только.

Бродя у стен древних монастырей, пятнадцатилетняя путешественница пишет: «Но теперь лишь глубокое молчание уединенных старцев царствует в оных, которое бездейственною томностью прерывая мысли, потрясает душу и удовольствие с одного взгляда на сии здания смешивается с каким-то прискорбием, и особливо при воззрении и воспоминании, что они составляют памятник погибшим древнего и знаменитого Новгорода»²⁶⁾.

Сознание юного сочинителя не могло дорасти до философских проблем и выйти за рамки сентиментальной чувствительности.

Если Новгород овеян печалью, то о Валдае рассказывается весело, шутливо, не без юмора и лукавства.

Чем же был знаменит этот небольшой городок? Красивым горным ландшафтом с озерами, вкусными баранками, бойкими веселыми девушками.

²⁶⁾15-ти дневное путешествие. С. 106.

Двоюродный брат читает кузинам целую лекцию о пользе гор, о богатстве горных склонов целебными травами, залежами ценных ископаемых. Юношу посылают купить баранок. Когда он возвращается, старшая сестра задает ему лукавый вопрос, удостоился ли он поцелуя молоденькой продавщицы? Оказывается, в городе существовал обычай одаривать поцелуем покупателя вкусных баранок. Когда коляска путешественников покидала Валдай, за ней бежала целая стая девушек, хохоча и потрясая связками знаменитых кренделей. Старшая сестра, (а может быть мамаша) нашла мудрый выход из положения, купив у каждой бойкой продавщицы по одной баранке. Это вызвало буйный восторг толпы.

Описанные события являются отголосками той репутации, которая с древних пор закрепилась за валдайскими нравами. Напомним, что говорилось на эту тему в «Путешествии из Петербурга в Москву».

Радищев не пожалел красок, рисуя «валдайских развращенных девок». Трудно дать характеристику более резкую и беспощадную. Вот что читаем мы в его главе о Валдае: «Всякого проезжающего наглые валдайские и стыд сотрясшие девки останавливают и стараются возжигать в путешественнике любопытствие, воспользоваться его щедростью на счет своего целомудрия»²⁷⁾.

Домашние баньки, где хозяйка устраивала свидание путешественника с ее дочерью, нередко являлись местом кровавых преступлений. От этой мрачной картины автор переходит к поэтичной легенде о «Новом Леандре», о монахе Иверского монастыря, возвращавшемся ночью в свою одинокую келью после свидания с любимой девушкой и погибшим в бурных волнах озера. Но даже и здесь не скрыл Радищев своего презрения к женщине-обольстительнице: «Всяк знает, что любовнице, хотя на первое мгновение, скорбно узнать о кончине любезного. Не ведаю и того, бросилась ли сия новая Геро в озеро; или же в следующую ночь, топила баню для путешественника. Любовная летопись гласит, что валдайские красавицы от любви не умирали... разве в больнице»²⁸⁾.

Говоря о современных валдайках, Радищев должен все же признать, что «хотя они не откажутся и ныне удовлетворить желанием путешественника, но прежней наглости в них не видно».

Такова картина валдайских нравов в 80-х годах XV²⁹⁾ столетия.

²⁷⁾ Радищев А. Н. Полное собрание сочинений. Т. I. С. 300.

²⁸⁾ Там же. С. 302.

²⁹⁾ По-видимому, здесь опечатка. Должно быть XVIII в. (прим. ред.).

Пройдет еще ряд лет и в 1826 году в стихотворении А. С. Пушкина «Из письма к Соболевскому» мы прочитаем следующий мудрый и веселый совет:

У податливых крестьянок
(Чем и славится Валдай)
К чаю накупи баранок
И скорее поезжай³⁰.

Рассмотренные главы книги Гладковой интересны и тем, что в них есть явная переключка с Радищевым. Ряд эпизодов и отдельных выражений в обоих путешествиях дословно или почти дословно совпадают. Таковы рассказы о заселении царем Алексеем Михайловичем Валдая поляками, о создании Никоном Иверского монастыря, об участии Новгорода в Ганзейском союзе и т. д. Эти совпадения объясняются, несомненно, общим источником, что подтверждается и сличением текстов. Со слов Радищева нам известно, что работая над маршрутом Петербург — Москва, он пользовался следующей книжкой: «Путешествие ее императорского величества в полуденный край России, предпринимаемое в 1787 году. Печатано при горном училище 1786-го года». Можно не сомневаться, что старшая из сестер Гладковых, проводящая беседы с сестренками, не обошлась без этого пособия, которое, конечно, было хорошо известно ее родителям.

Сложнее обстоит дело с другими страницами, где нет близкого сходства, но явно веет радищевским духом. Вспомним хотя бы сцену встречи с крестьянскими девушками, обед у гостеприимных купцов, которым есть за что благодарить своих гостей, наконец, глубокое уважение к трудовому народу, пронизывающее весь путевой дневник девушки из высоко чиновной семьи. Можно думать, что эти радищевские веяния обуславливались прежде всего общественным климатом России в канун 1812 года. Напомним хотя бы несколько фактов, которые нельзя забывать, анализируя идейное содержание «15-ти Дневного путешествия».

Росло и мужало новое поколение, которому предстояло, пройдя через горнило войны, вступить на Сенатскую площадь. Сочинительница дневника была сверстницей или почти сверстницей ряда будущих декабристов — Рылеева, Бестужева-Марлинского, Кюхельбекера, В. Раевского. Назревала потребность в организации

³⁰Пушкин А. С. Собрание сочинений. М.: ГИХЛ, 1949. Т. 2. С. 22.

первого тайного общества. В эти годы писалось «Путешествие критики» С. Фон Ферельтца³¹). Смерть Радищева воспринималась в те годы не как исторический факт, а как событие современности.

Нельзя начисто вычеркнуть и вторую гипотезу. Гладков в силу своих служебных обязанностей должен был знать книгу Радищева. Мог он познакомить с нею и свою жену. Но знакомство детей с подобными произведениями вряд ли могло быть в планах супругов Гладковых.

Эпилог дневника, то есть записи последних дней, посвящены наблюдениям за бытом и нравами наших северных губерний, а также описанию дороги к столице.

Чем севернее, чем ближе к Петербургу, тем непригляднее становилась картина. Девушку поражает бедность населения. Она упорно думает о неравенстве людей, о несправедливости распределения благ и судеб людских.

«Скажу только сама себе, — читаем мы в записи от 29 августа, — как бедные люди жалки! У них не бывает самого нужного в жизни, между тем, как некоторые, сидя за столом, заполненном закусками, о том только заботится, чтоб выбрать что-либо послаще»³²).

С беспросветной бедностью связаны пороки людей. Население здесь пьет и ворует. Нашлись ловкачи, сумевшие обворовать на 20 рублей коляску наших путешественников.

Рассуждения девушки на социальную тему звучат по-детски. Но отказать ей в наблюдательности и в искреннем протесте против окружающих непорядков никак нельзя.

Примечания

¹ РО ИРЛИ. Ф. 774 (Е. П. Привалова). Фонд не разобран.

² Литература для детей дошкольного и младшего возраста (1923); Дошкольный работник и детская литература (1925); Детская литература: Указатель книг для школ и библиотек (1928) и др.

³ Подход Е. Приваловой и И. Халтурина к составлению рекомендательного указателя привлек внимание не только советских ученых. В 1929 г. критический обзор на указатель появляется и в эмигрантском педагогическом журнале «Русская школа за рубежом»: «Эта небольшая

³¹)Ферельтц С. К. «Путешествие критики, или Письма одного путешественника, описывающего другу своему разные пороки, которых большей частью сам был очевидным свидетелем» (1818) (прим. ред.).

³²)15-ти дневное путешествие. С. 118.

книга — первая попытка дать на русском языке указатель книг для детей 12–14 лет, обращенный не к учащимся, не к библиотекарям, не к родителям, а к самим детям» [Новожилов 1929, 109].

⁴ «О сотрудниках журнала „Детское чтение для сердца и разума“» (1964); «„Детское чтение для сердца и разума“ в оценке читателей и критики» (1966); «Социальная проблема на страницах журнала Новикова „Детское чтение для сердца и разума“» (1976).

⁵ Здесь и далее статья Е. П. Приваловой цитируется по настоящему изданию.

Литература

Источники

15-дневное путешествие... 1810 — Гладкова М. 15-ти дневное путешествие, 15-ти летнею писанное, в угождение родителю и посвящаемое 15-ти летнему другу. 1810-го года августа месяца. Санктпетербург: в типографии Губернского правления, 1810.

Новожилов 1929 — Новожилов Н. [Рецензия] // Русская школа за рубежом. Прага, 1929. № 31. С. 109–110. Рец. на кн.: Привалова Е., Халтурин И. Что мне читать? Указатель литературы для детей старшего возраста. Изд. «Прибой»: Петербург, 1928. 180 с.

Привалова 1958 — Привалова Е. П. А. Т. Болотов и театр для детей // XVIII век: сб. статей. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1958. Сб. 3. С. 242–261.

Привалова 1975 — Привалова Е. П. А. Л. Шлёцер — автор исторической книги для детей // XVIII век: сб. статей. 1975. Сб. 10. С. 200–205.

Исследования

Алексеева 1929 — Алексеева О. В. Библиография русской детской книги (1717–1854) // Материалы по истории русской детской литературы / под ред. А. К. Покровской и Н. В. Чехова. Вып. 2. М.: Б. и., [1929]. С. 9–144.

Хеллман 2016 — Хеллман Б. Сказка и быль: история русской детской литературы / пер. с англ. О. Бухиной. М.: Новое литературное обозрение, 2016.

References

Alekseeva 1929 — Alekseeva, O. V. (1929) Bibliografiya russkoy detskoy knigi (1717–1854) [Bibliography of Russian children's books (1717–1854)]. In A. K. Pokrovskaya, N. V. Chekhov (Eds.) Materialy po istorii russkoy detskoy literatury [Materials on the history of Russian children's literature] (Vol. 2, pp. 9–144). Moscow.

Hellman 2016 — Hellman, B. (2016) Fairy tales and true stories: the history of Russian literature for children and young people (1574–2010). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016. (In Russian).

Anna Dimianenko

Institute of Russian Literature (The Pushkin House) RAS; ORCID:
0000-0002-7378-0613

“THE FIRST WORK OF AN INEXPERIENCED WRITER”.
EKATERINA PRIVALOVA ABOUT THE BOOK BY M. GLADKOVA

This article is an introduction to materials from the Archive of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, a typewritten article “O pervom trude neopytnoy pisatel’nitsy” (On the first work of an inexperienced writer), found in the personal archive of E. P. Privalova and previously never published. The year the text was written, 1975, was established presumably based on the date on the folder in which the other works of the author were kept. The article provides brief background information on the author of the article — researcher of the history of Russian children’s literature, E. P. Privalova; it gives a review of the contents of the folder with archival files — articles about A. L. Schlözer and I. A. Teils, published in different years in the “XVIII vek” (18th century) collections. The article by E. P. Privalova is dedicated to the study of a novel by M. Gladkova “15-ti dnevnoe puteshestvie, 15-ti letneyu pisannoe, v ugozhdenie roditelyu i posvyashchaemoe 15-ti letnemu drugu. 1810-go goda avgusta mesyatsa” (A 15-day journey, written by a 15-year-old girl, to please her parent and dedicated to her 15-year-old friend. 1810th year of August) (St. Petersburg, 1810). The introduction analyzes the main theses of E. P. Privalova’s article — the alleged authorship of M. Gladkova and literary connections of her text with such works as “Pis’mo russkogo puteshestvennika” (Letters of the Russian Traveler) by N. M. Karamzin and “Puteshestvie iz Peterburga v Moskvu” (Journey from St. Petersburg to Moscow) by A. N. Radishchev, published in the last third of the 18th century.

Keywords: Ekaterina Privalova, children’s literature of the 19th century, travel literature, Nikolai Karamzin, Alexander Radishchev